I.

...Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ. Но что же мнѣ дѣлать? Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! Кто-то Незримый пишетъ предо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливей меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ-быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни...

Такъ писалъ Гоголь еще въ одномъ изъ раннихъ своихъ писемъ къ Жуковскому.*

Пророчественное слово! И не то только здѣсь пророчественно, что юный поэтъ уже провидитъ своимъ дальновзрящимъ взоромъ вдали времени тотъ день и часъ, когда потомки враждовавшихъ противъ него земляковъ, «съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе его тѣни», но и то, что онъ чувствуетъ себя лишь тростью въ рукахъ великаго «Незримаго»: кто-то «Незримый пишетъ предо мною могущественнымъ жезломъ»... *Пишетъ*, а онъ только списываетъ, копируетъ эти чудныя письма.

Очевидно, что это есть своеобразное выраженіе все той же великой темы о художническомъ помазаніи избранниковъ свыше,—темы, вариации которой мы слышимъ у всѣхъ истинныхъ поэтовъ. Это то же Пушкинское:

Моихъ зениць коснулся онъ
.....
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ...

Это—то же, о чемъ говоритъ Алексѣй Толстой, въ этой чудной строфѣ:

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесла

* Въ 1836 году. См. у Шенрока, *Письма Н. В. Гоголя*, I, 415—416.

Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлялъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышать ухо съ этихъ поръ
Что для другихъ неуловимо...

Все это, говоримъ, вариации одной и той же, общей всѣмъ истиннымъ художникамъ, увѣренности въ своемъ помазаніи на служеніе человечеству, силами художественнаго обаянія, свыше.

Человѣкъ, выступающій на дѣло Божіе, во имя внутренняго призванія къ нему, и самъ свидѣтельствующій объ этомъ своемъ призваніи, никогда не бываетъ «пріятель».—особенно «въ отечествіи своемъ». Его судьба всегда сурова и жестока: въ этомъ одинъ изъ *внѣшнихъ* признаковъ его званія и призванія. Но рѣдко этотъ суровый законъ проявлялся въ жизни избранниковъ съ большею неотвратимостью, чѣмъ въ жизни Гоголя.

Перенеситесь, въ самомъ дѣлѣ, мысленно ко времени выхода въ свѣтъ *Перетиски*, прислушайтесь: «какой тамъ свистъ, какой тамъ громъ грохочетъ!».. Вчужь кровью обливаешься сердце, когда перечитываешь заключительныя страницы *Авторской исповѣди*.

«Сужденія большею частію были слишкомъ ужъ рѣшительны, слишкомъ рѣзки; мнѣ кажется, что, прежде чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было бы намъ самимъ, еслибы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта; ихъ (упрековъ) уже слишкомъ много для немощной природы человѣка»...

Такъ писалъ Гоголь.

Очевидно, предъ нами не *Пушкинскій* «пророкъ», спокойный и увѣренный въ себѣ, но скорѣе «пророкъ» Лермонтовскій:

Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ утѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами...
Смотрите-жь, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!...

Вотъ именно! Такъ именно относился къ Гоголю, этому по преимуще-

ству «не признанному» и даже, по суду современниковъ, быть-можетъ, «непризнанному» пророку.

Пятидесятилѣтіе, протекшее со дня кончины Гоголя, угасило вражду и страсти въ отношеніи къ Гоголю. Мы встрѣчаемъ «Гоголевскій праздникъ», повидимому, уже довольно единодушно.

Да! Но сходясь въ преклоненіи предъ гениемъ великаго человѣка, мы все еще очень глубоко и существенно расходимся въ оцѣнкѣ его заслугъ и значенія для нашей литературы и жизни, для роста нашего самосознанія.

Живое и наглядное доказательство тому тѣ жестокие споры о Гоголѣ, которыми отмѣчена сравнительно еще очень недавняя исторія нашей критики. Въ самомъ дѣлѣ, и теперь, какъ во времена стародавнія, Гоголь все еще продолжаетъ оставаться для однихъ лишь «демономъ смѣха», для другихъ — «поэтомъ пошлости», для третьихъ — «обличителемъ дореформеннаго неустройства», для четвертыхъ — «сатирикомъ и поэтомъ - памфлетистомъ» и т. д. и т. д. Словомъ, Гоголя и доселѣ все еще *разнимаютъ на части*, причемъ одну часть въ немъ, въ его творчествѣ, признаютъ, а другую «отрицаютъ», какъ будто можно различать живое на части и не признавать того, что дѣйствительно существуетъ, что существуетъ какъ неотразимый фактъ! Иные поступаютъ и еще рѣшительнѣе: они прямо зачеркиваютъ весь послѣдній періодъ въ литературной дѣятельности Гоголя...

Пора бы, однако, уже прекратить эти споры, особенно теперь, въ дни всенароднаго чествованія Гоголя. Ибо, помимо всего прочаго, несомнѣнно одно, что источникъ разногласій и споровъ кроется въ большинствѣ случаевъ не столько въ самомъ писателѣ и его созданіяхъ, сколько въ насъ самихъ, его судьяхъ и критикахъ, въ различіи нашихъ точекъ зрѣнія и нашихъ мнѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, въ твореніяхъ Гоголя найдется все: и сатира, и психологія людской пошлости, и смѣхъ сквозь слезы и т. д. Однако, надъ всѣмъ этимъ или, точнѣе, во всемъ этомъ, какъ душа въ тѣлѣ, живетъ и свѣтитъ нѣчто высшее, нѣчто безмѣрно болѣе важное и значительное, въ чемъ, въ концѣ концовъ, кроется разгадка всего. Но именно этого-то мы,

въ большинствѣ случаевъ, не видимъ. Но именно это-то, по крайней мѣрѣ теперь, въ эти знаменательные дни, намъ слѣдуетъ постараться увидеть и разсмотрѣть пристально, разъ и навсегда.

И вотъ намъ кажется, что, еслибы теперь всѣ, собравшіяся на «Гоголевскій праздникъ», обступивъ стоящаго предъ нами въ апофеозѣ гениальнаго человѣка плотною толпой, обратились къ нему самому за вершеніемъ своей полувѣковой тяжбы,—то онъ высказался бы именно въ томъ примирительномъ смыслѣ, какой нами только-что намѣченъ:

— Оставьте ваши пререканія и споры, ибо для людей, искренно ищущихъ правды, и въ частности правды о мнѣ и дѣлѣ моемъ, для такихъ людей *въ дому Отца моего обители многи суть*...

Попытаемся же найти въ твореніяхъ Гоголя ихъ верховное, объединительное и организующее, начало.

II.

Возражая тѣмъ судьямъ Гоголя, которые хотѣли разнять его живое и органическое дѣло на части, покойный критикъ *Московскихъ Вѣдомостей*, Говоруха-Отрокъ, говорилъ, что именно въ отношеніи къ Гоголю такіе приемы всего менѣе уместны, что для этого Гоголь слишкомъ огромное явленіе:

«И какъ отъ огромнаго храма надо отойти на далекое разстояніе, чтобы понять всю гармонию его очертаній, всю архитектурную его красоту, такъ и отъ Гоголя намъ надо отойти на далекое разстояніе, чтобы понять весь смыслъ его личности и весь смыслъ его созданій».

Характерное и много говорящее сравненіе! Но намъ хотѣлось бы продолжить его въ другомъ направленіи и съ другой стороны.

Извѣстно, что стѣнописи въ стилихъ русскихъ храмахъ, преимущественно древнихъ, представляетъ въ миниатюрѣ какъ бы всю жизнь человѣка и даже всего человечества. Въ перистилъ васъ давятъ картины страшнаго суда и мученій адскихъ. Далѣе, при входѣ въ самый храмъ, вы встрѣчаете сюжеты изъ античнаго міра съ центральными фигурами людей, которые были проникнуты тяготѣніемъ и стремленіемъ къ истинѣ. Далѣе и вы-

ше, сюжеты изъ исторіи ветхозавѣтной и новозавѣтной, выражающіе внутреннюю драму падшей души человѣческой, борьбу ветхаго и новаго въ человѣкѣ, борьбу за истину, въ ея различныхъ формахъ и фазисахъ и т. д., и т. д.,—докопѣ всѣ вздохи и усилія сыновъ земли, тамъ, въ недостижимой высотѣ или у святыни алтаря, не сольются въ одинъ всепримиряющій аккордъ жизни, *преображенной и просветленной* свѣтомъ христіанства...

Нѣчто подобное мы найдемъ и въ твореніяхъ Гоголя, *если станемъ разсматривать ихъ въ цѣломъ*.

И прежде всего, въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, фантазія художника окружаетъ насъ образами, на которыхъ еще толстымъ слоемъ лежить пыль земли,—то свѣтлыми, притохливыми и безпечными, какъ фигуры *Вечеровъ на хуторѣ*, то фантастическими и страшными, какъ въ *Винъ*, то пошлыми и мелкими, какъ въ *Арабескахъ* и другихъ повѣстяхъ, то героическими и отважными, какъ въ *Тарасѣ Бульбѣ*. Мы вшваемъ въ нихъ «сокъ земли», обоняемъ ароматъ ея полей и лѣсовъ, входимъ въ мелочи обиденныхъ житейскихъ отношеній. Но не испытываемъ пока еще ничего особеннаго, ничего захватывающаго и поражающаго, ничего подчеркивающаго значительный смыслъ жизни, останавливающаго и заставляющаго задуматься. Искусство здѣсь пока еще остается на той ступени, на которой оно дѣйствуетъ на насъ лишь *черезъ погруженіе въ забвеніе*, черезъ отрѣшеніе отъ обычныхъ условій нашей жизни,—какъ хорошая фламандская картина, своею удивительною объективностію погружающая насъ въ созерцаніе чистой, безпримѣной объективности.

Однако, и здѣсь обычно незамѣтный, какъ бы закрытый созданными имъ образами, художникъ иногда вдругъ напоминаетъ о себѣ какимъ-либо значительнымъ замѣчаніемъ, сразу и радикально переставляющимъ нашу точку зрѣнія на эти, повидимому, лишеныя значительности картины.

«Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычекъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топканье, что-то похожее на ропотъ от-

даленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо... *Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная юность, улетаетъ отъ насъ, и напрасно онъ грусть и пустыню и дико внемлетъ ему*. Не такъ ли рѣзвые други бурной за другимъ, тернутся по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Случно и тяжело оставленному. И тяжело и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему.»

Такъ заканчиваетъ Гоголь свою *Сорочинскую Ярмарку*, и эта чудная элегія слышится, какъ дополнительный тонъ, чрезъ всѣ *Вечера*. Пестро, живо, красиво, весело захватываетъ, но... *все это не то, чего тайно жаждетъ душа, не главное и не существенное*.

То же и въ *Арабескахъ*. Возьмите любую изъ повѣстей, и повсюду изъза кажущейся ничтожности сюжета на васъ вперяетъ свои смущающіе взоры потрясающая трагедія, въ основѣ которой «разладъ мечты и ответственности».

Вотъ хотя бы *Невскій Проспектъ*. Что, повидимому, важнаго въ этихъ, столь обычныхъ для людей, при извѣстныхъ условіяхъ ихъ жизни, похожденияхъ Пискарева и Пирогова? И, однако, какіе потрясающіе звуки несутся въ вашу душу со страницъ этой повѣсти.

«Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасною, тихою звѣздой въ незамѣтномъ семейномъ кругу и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія... Но—увъ!—она была какою-то ужасною волей адеваго духа, жаждущаго разрушить гармонию жизни, *брошена съ золотомъ въ эту страшную пучину*.»

Вотъ она трагедія юнаго сердца, съ его увлеченіями, символизующими всякія вообще увлеченія стихійнымъ, земнымъ, языческимъ! Вотъ что разбило бѣдное сердце и жизнь Пискарева, какъ оно разбиваетъ сердце и жизнь тысячъ другихъ мечтателей, подобно мотылькамъ стремящимся на огонекъ вѣшней, мишурной красоты.

«Онъ проснулся растроганный, растрезанный, со слезами на глазахъ. «Лучше бы ты вовсе не существовала, не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника. Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и дѣловалъ бы тебя, я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою—я бы былъ тогда счастливъ; никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе. Я бы призывалъ тебя, какъ ангела-хранителя, передъ сномъ и бдѣніемъ, и тебя бы ждалъ я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! Что пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумашедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? *Боже, что за жизнь наша! Вѣчный раздоръ мечты съ существенностію*.» Почти такія мысли занимали его безпрестанно.»

Да, *раздоръ мечты съ существенностію!*

И повсюду такъ—и въ *Вечерахъ*, и въ *Арабескахъ*. Захватывающая лирика поэта повсюду возноситъ насъ надъ пестрою дѣйствительностію, не давая на ней успокоиться. А его юморъ, его острая и рѣзущая сатира, невольно заставляютъ разсматривать и въ самомъ, по внѣшности, благовидномъ явленіи все тотъ же «вѣчный раздоръ мечты и существенности». И все это вмѣстѣ невольно возжигаетъ въ зрителѣ стремленіе поднять взоръ выше, къ инымъ картинкамъ, болѣе гармоничнымъ и глубокимъ, къ тому царству борьбы свѣта съ тьмою, въ которомъ мечта уже *превозмогаетъ* существенность, хотя еще и не побѣждаетъ ея окончательно.

III.

То чувство «вѣчнаго разлада между мечтою и существенностію», которое насквозь проникаетъ уже и первыя произведенія Гоголя, его *Вечера* и *Арабески*, разъ проснувшись въ душѣ художника, неизбѣжно должно было вести его, въ анализѣ окружающихъ явленій жизни, дальше и глубже. Оно явилось, въ его творческомъ сознаниі, тѣмъ началомъ, которое, подобно химическому тѣлу, разложило дотолѣ единую и недѣлимую душевную силу на двѣ, давъ свою ближайшую задачу и жившему въ душѣ художника при-